

УДК: 821.161.1.0

БОЛЕЗНЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

А. Н. Кошечко

ILLNESS AS THE EXISTENTIAL PHENOMENON IN F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE CONSCIOUSNESS

A. N. Koshechko

Статья посвящена исследованию болезни как феномена, формирующего экзистенциальное сознание Ф. М. Достоевского и реализующего себя в формах художественного письма в творчестве писателя (механизмы творческого переживания «пограничных ситуаций», парадоксальность мышления, стиль торможения, смысловая многоуровневость текстов, «пограничные жанры», экзистенциальный диалог и т. д.).

This article is devoted to the study of illness as the phenomenon that formed F.M. Dostoevsky's existential consciousness and was realized in the forms of text creation in his works (creative comprehension of «edge situations», thought paradoxicality, inhibition style, multilayer semantic of texts, «edge genres», existential dialogue and others).

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, экзистенциальное сознание, «пограничная ситуация», рефлексия, генезис, творческий метод, жанр.

Keywords: existential consciousness, «edge situation», reflection, genesis, creation method, genre.

Исследование творчества Ф. М. Достоевского, носителя и репрезентанта экзистенциального сознания в русской и мировой литературе, предполагает качественно новый взгляд на созданные им тексты во всем многообразии их сюжетно-тематического и жанрового воплощения. Сознание в данном случае – это метакатегория [6], реализующая себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования. Феноменологически целостный характер сознания определяется, в первую очередь, его системностью, в основе которой лежат психогенетические и ментально-мировоззренческие особенности личности писателя.

Все сказанное выше определяет цель настоящей статьи – исследование болезни как феномена, определяющего генезис уникальных черт экзистенциального сознания Достоевского через анализ доминантных, формирующих характер психофизиологических особенностей личности писателя. К числу таких особенностей мы относим эпилептическую конституцию психики, определяющую формы реакции личности на окружающий мир, механизмы переживания «пограничных ситуаций» и способы их художественного выражения.

Экзистенциальное сознание понимается нами как философски-художественный феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивидуальный поведенческий текст писателя (повседневное экзистенциальное сознание) и как тип художественного мышления, реализующий себя в различных формах художественного письма (художественное сознание). Подобное определение позволяет нам акцентировать бытийный статус экзистенциального сознания, его незакрепленность за конкретной литературной эпохой и национальной культурой (прим. автора: *Поэтому русское художественное сознание пореформенной эпохи может быть обозначено как сознание экзистенциальное, несмотря на то, что ни в философской мысли, ни в языке XIX века подобного термина не существовало. Используя терминологию У. Эко, можно сказать, что экзистенциализм – это*

«не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние» [12, с. 635], поэтому и рассматривать экзистенциальное сознание русских писателей XIX века (Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова) и формы его воплощения необходимо не как пролегомены к западноевропейскому экзистенциализму XX века, а как особую фазу развития экзистенциального сознания, обладающую своими специфическими чертами).

Повседневное-экзистенциальное сознание – это проявление сугубо индивидуальных реакций личности на *реальные события* окружающего мира и духовной жизни, это предельно заостренная *сфера человеческого Я* во всем многообразии его субъективных проявлений (жизненный опыт, факты биографии, привычки, болезни, речь, жестикуляция, особенности мышления и т. д.). Художественное сознание – это *«идеальная реальность»* (курсив мой. – А. К.) различных образов <...> сознание-результат, сознание-продукт *духовного (идеального) освоения мира* (курсив мой. – А. К.), включающее в себя «различные виды духовной деятельности, в которых происходит целенаправленная <...> идеальная переработка и перевоссоздание (освоение) отражаемой субъектом действительности», это «система идеальных структур, порождающих, программирующих и регулирующих художественную (творческую и воспринимательскую) деятельность и ее продукты» [5, с. 5 – 7]. Повседневное-экзистенциальное и художественное сознания обладают целым рядом функциональных и мирообразных подсистем, позволяющих осмыслить одно и то же явление одновременно с разных позиций: мироотношение, мироощущение, миромоделирование.

Зримыми повседневное-экзистенциальное и художественное ипостаси экзистенциального сознания становятся через текст, в котором они воплощаются в зримых, поддающихся верификации формах. Поэтому исследование творческого универсума Достоевского предполагает последовательное развертывание аналитической стратегии от психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы

формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя к миромоделирующим началам его творчества, к исследованию экзистенциальных доминант в эстетике писателя и способов их репрезентации в художественной практике. При этом принципиально важным является методологический акцент не на фиксации наличия экзистенциальных идей в сознании Достоевского, а выявление способов их воплощения в конкретных формах.

Болезнь, как одна из доминантных психогенетических особенностей личности Достоевского играет ведущую роль в генезисе экзистенциального сознания писателя как динамичной философско-художественной системы. Предельно точно эту глубинную взаимосвязь выразил А. Белый в своей работе «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»: «Достоевский, если бы не страдал эпилепсией, не был бы Достоевским» [1, с. 14].

Эпилептическая конституция психики, резкие перемены настроения во многом определяют и реакцию Достоевского на события внешнего мира. Жизненный опыт писателя является уникальным примером переживания не только приступов болезни, но и целого ряда «пограничных ситуаций» (К. Ясперс), в которых происходит «высвечивание экзистенции». В судьбе Достоевского мы видим целый спектр таких ситуаций фундаментального продумывания смысла бытия и самоопределения перед лицом смерти (приступы эпилепсии, детство в Московской больнице для бедных, смерть матери, трагическая гибель отца, следствие по делу петрашевцев, пребывание в Алексеевском равелине, ожидание исполнения смертного приговора на эшафоте, каторга, ссылка, опыт добровольного изгнанника в Европе в 1867 – 1871 годы в период своего вынужденного четырехлетнего пребывания за границей, смерть дочери и т. д.): речь идет о ситуациях «человеческого здесь-бытия, где становится невозможным рассчитывать на анонимные силы науки, где <...> человек должен полагаться только на самого себя и где в самом человеке обнаруживаются содержания, какие всегда бывают скрыты в процессе чисто функционального применения науки, нацеленного на овладение миром. Таких пограничных ситуаций много. У самого Ясперса особо выделена ситуация смерти, наряду с ней – ситуация вины (курсив мой. – А. К.). В том, как человек ведет себя, когда он виновен, более того, когда он оказывается лицом к лицу со своей виной, нечто выходит наружу, обнаруживается – *existit*» [3, с. 21].

Однако вопрос об эпилепсии как психофизиологическом и психоментальном источнике экзистенциального сознания Достоевского требует целого ряда существенных уточнений. Сам факт наличия эпилепсии не становился предметом исследовательской рефлексии в аспекте генезиса художественного сознания. В работах, посвященных «знаменитым эпилептикам» – Достоевскому, Флоберу, Джорджу Гордону Байрону, диагноз которых подтвержден наблюдениями психологов, психиатров, психофизиологов и т. д., кроме указания, что болезнь не повлияла на их гениальность и интеллектуальные способности, нет собственно исследования специфики художественного мышления писателя-эпилептика. В случае Достоевского принци-

пиально важно, что он не просто страдал эпилепсией, а *осознавал себя эпилептиком*, болезнь была неотъемлемой частью его повседневного опыта, фактом его экзистенциального сознания, определяющим и его индивидуальный поведенческий текст, и особенности художественного мышления: «В последние годы она [болезнь. – А. К.] как будто ослабела, сделалась реже, но была постоянно в зависимости от напряжения в труде, от огорчений, от жизненных неудач, от той беспощадности, которой так много в нравах русской жизни и русской литературы. Приступы ее он чувствовал и начинал страдать невыразимо; невольно закрадывался в душу страх смерти во время припадков, болезненный, тупой страх, тот дамоклов меч, который висит над такими несчастными на самой тончайшей волосинке. Конечно, мы все знаем, что когда-нибудь умрем, что, может быть, завтра умрем, но это общее положение: оно не страшит нас или страшит только во время какой-нибудь опасности. У Достоевского эта опасность всегда присутствовала, он постоянно был как бы накануне смерти (курсив мой. – А. К.): каждое дело, которое он затевал, каждый труд, любимая идея, любимый образ, выстраданный и совсем сложившийся в голове, – все это могло прерваться одним ударом. Сверх обыкновенных болезней, сверх обыкновенных случаев смерти у него был еще свой случай, своя специальная болезнь; привыкнуть к ней почти невозможно – так ужасны ее припадки. Умереть в судорогах, в беспомощности, умереть в пять минут – надобна большая воля, чтоб под этой постоянной угрозой так работать, как работал он» [11, с. 465 – 466].

Специфические черты экзистенциального сознания Достоевского обнаруживают себя через используемый в психоанализе прием «свободных ассоциаций» как репрезентантов сознания, реализующих себя в тексте: «...скрытое значение высказывания может быть выявлено только путем анализа так называемых "свободных ассоциаций" – не подвергнутых цензуре свободных высказываний, спонтанно произносимых говорящим в связи с определенной темой» [10, с. 129].

Исповедальный характер творчества Достоевского дает возможность исследователю принимать в качестве «свободных ассоциаций» текстовые репрезентации сознания писателя в «пограничных жанрах», в которых объектом осмысления наряду с прочими темами становится Я самого писателя, а его глубинные стороны проявляют себя в содержательной и структурной организации самого высказывания («Припадки», «Дневник лечения в Эмсе», «Дневник писателя» и т. д.). Стратегия работы с текстом, который является намного сложнее «свободных ассоциаций» пациента-психоаналитика, поскольку объектом интереса здесь становится сама личность автора, должна включать в себя анализ «фонологических, морфологических, синтаксических, подтекстуальных, повествовательных, риторических и контекстных» сторон литературного высказывания: «Осознание этих моментов позволяет понять суть бессознательных мотиваций литературных персонажей, подобно тому, как наличие клинической карты со свободными ассоциациями пациента приводит психоаналитика к успеху» [10, с. 130 – 131]. Проблема анализа репрезентации экзистенциального сознания – это проблема рецептивная, включающая в

свою орбиту и восприятие читателя, шире – адресата высказывания, поскольку в опыт рефлексии болезни Достоевского входят воспоминания близких ему людей и современников.

Анализ биографических источников показывает, что припадки были для Достоевского неотъемлемой частью его жизни. В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской представлен и подробный анализ припадков, внешний взгляд на то, что Достоевский *переживал*, но не мог *наблюдать* со стороны. Интересен первый опыт, когда Анна Григорьевна присутствует при всех стадиях болезни, фиксируя их с тщательностью профессионального психоаналитика: «Федор Михайлович был чрезвычайно оживлен и что-то интересное рассказывал моей сестре. Вдруг он прервал на полуслове свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в мою сторону. Я с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Но вдруг раздался ужасный, нечеловеческий крик, вернее, вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. <...> Впоследствии мне десятки раз приходилось слышать этот "нечеловеческий" вопль, обычный у эпилептика в начале приступа. И этот вопль меня всегда потрясал и пугал. Но тогда, к моему удивлению, я в эту минуту несколько не испугалась, хотя видела припадок эпилепсии в первый раз в жизни. Я обхватила Федора Михайловича за плечи и силою посадила на диван. Но каков же был мой ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил его удержать. Отодвинув стул сгоревшей лампой, я дала возможность Федору Михайловичу опуститься на пол; сама я тоже опустилась и все время судорог держала его голову на своих коленях. <...> Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя; но сначала он не сознавал, где находится, и даже потерял свободу речи: он все хотел что-то сказать, но вместо одного слова произносил другое, и понять его было невозможно. Только, может быть, через полчаса нам удалось поднять Федора Михайловича и уложить его на диван. Решено было дать ему успокоиться, прежде чем нам ехать домой. Но, к моему чрезвычайному горю, припадок повторился через час после первого, и на этот раз с такой силою, что Федор Михайлович более двух часов, уже придя в сознание, в голос кричал от боли. Это было что-то ужасное! <...> Тут я впервые увидела, какою страшною болезнью страдает Федор Михайлович» [4, с. 131 – 133]. Детальное описание припадков, анализ эмоционального состояния Достоевского после них (прим. автора: Ср.: «Мысли о том, что с Федором Михайловичем случится припадок, что он, еще не придя в себя, пойдет по гостинице отыскивать меня {Еще не вполне придя в себя от приступа эпилепсии, всегда шел ко мне, так как в эти минуты испытывал мистический ужас и присутствие близкого лица приносило ему успокоение. (Прим. А. Г. Достоевской.)}, что там его примут за помешанного и ославят по Москве, как сумасшедшего; что некому будет оберегать его спокойствие после припадка, что его могут раздражить, довести его до какого-нибудь безумного поступка, – все эти мысли бесконечно меня мучили» [4, с. 383]), хотя и является косвенным свидетельством, сообщая факты и

наблюдения не от имени Я Достоевского, тем не менее дает ценный материал, позволяющий увидеть ту глубину, непреодолимость и повторяемость страданий, которые был вынужден в силу болезни переносить писатель. Глубокое сострадание к боли любимого человека делают припадки не посторонним фактом, а знаком экзистенциального опыта уже самой Анны Григорьевны, проживающей вместе с мужем каждый приступ как собственную «пограничную ситуацию».

Тот факт, что Достоевский серьезно относился к своим припадкам, подтверждают его записи, в которых он вербализирует осознание себя эпилептиком, сам говорит о своей болезни. Писатель не дает прямых указаний на причину своей болезни, первичный травмирующий импульс, за исключением воспоминаний об одном детском потрясении: в 11 лет его преследовали звуковые галлюцинации – крики о приближении диких зверей (например, «Волк бежит!»), ставшие основой одной из фобий Достоевского. К числу травмирующих факторов можно отнести и сложные отношения с отцом, о которых Достоевский, как правило, говорит очень осторожно и не дает подробных комментариев. Например, в письме к А. Е. Врангелю от 9 марта 1857 г. он пишет: «Более всего беспокоит меня за вас, друг мой, отношения ваши с отцом. Я знаю, чрезвычайно хорошо знаю (по опыту), что подобные неприятности нестерпимы. <...> Характеры, как у вашего отца, – странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем; ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у вас с ним» [9, с. 127].

Свидетельства о припадках, которые мы находим в автобиографических источниках, воспоминаниях А. Г. Достоевской, у современников и биографов Достоевского, позволяют говорить об особом влиянии, которое они оказывали на его творчество.

С точки зрения повседневно-экзистенциального сознания, Достоевский как человек с эпилептической конституцией психики руководствовался, в первую очередь, субъективными переживаниями и настроением, нежели критическим, разумным сознанием объективно воспринимаемой действительности, более проблематичными выявляющимися из подсознательной сферы его внутреннего мира оригинальных, часто глубоких и верных, идей, нежели из обдуманных и скольконибудь обоснованных убеждений. Достоевского как личность отличала полярность аффектов, при которой наблюдается резкая перемена настроения от оптимизма, жизнелюбия, радости и воодушевления к мрачности, пессимизму, скрытой или явной агрессии: «Такое совершенно неконтролируемое раздвоение чувств, раздвоение, при котором «изменяются все впечатления» – сладость на боль, сопричастность на отчуждение, смех на слезы, радость на уныние – преследовало Достоевского всю жизнь» [7, с. 32].

Постоянное нахождение Достоевского по причине болезни в «пограничной ситуации» требует поиска оптимальной формы репрезентации экзистенциального сознания в творчестве (прим. автора: Показательным является тот факт, что для сознания Достоевского эстетизация «пограничных ситуаций» является атрибутивным свойством. Об этом свидетельству-

ет целый ряд фактов его биографии. Например, Сибирские тетради фиксируют опыт проживания «пограничной ситуации» каторги, которая дробится на целый ряд локальных ситуаций экзистенциального выбора и ценностного самоопределения). Этой структурой являются «пограничные жанры», лежащие за пределами традиционной эстетики: «В промежуточных, например автобиографических и биографических, жанрах в середине и во второй половине XIX века порой особенно обнаженно выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическими, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [2, с. 8]. «Пограничный жанр» представляет собой полифункциональную структуру, синтезирующую как собственно художественные, так и публицистические, философские, нехудожественные элементы.

В творчестве Достоевского отчетливо обнаруживает себя тенденция к преодолению определенного жанрового канона как фактора, снижающего интенсивность рефлексии и затрудняющего ее текстовую репрезентацию. Жесткая «рамочность» жанра не соответствует масштабу личных, идеологических, философских размышлений писателя и поэтому требует не просто качественного переосмысления, а во многом – преодоления норм установленного канона. Эта необходимость и приводит Достоевского к ориентации на «пограничные жанры», позволяющие синтезировать художественные, публицистические, философские и нехудожественные элементы в единое смысловое целое, давая тем самым возможность для оптимального текстового воплощения экзистенциального сознания как особого философски-художественного феномена.

Примерами таких «пограничных жанров» и ценным материалом самоанализа болезни являются «эго-тексты» Достоевского, среди которых особо выделяются «Припадки» (1869) и «Дневник лечения в Эмсе», которые представляют собой уникальное средство самоописания, дающее представление о срезе сознания человека в момент фиксации своего психологического и физиологического состояния. Эти тексты своей формально-содержательной структурой реализуют идею незавершенности и открытости (неготовности), что наиболее соответствует природе человеческого сознания. «Припадки» и «Дневник лечения в Эмсе» интересны еще и тем, что являются примером экстравертной рефлексии человека, который никогда не вел личных, интимных дневников, практически не оставил прямых свидетельств о своей внутренней жизни, реализуя принципиальную установку на неприкосновенность частной жизни. В этих текстах он говорит именно о себе, об отчетливо осознаваемых им самим свойствах собственной личности, о собственном экзистенциальном опыте, которым становится болезнь. Проявление экзистенциального сознания маркируется в «эго-текстах» использованием личного местоимения «Я» как знака вхождения в сферу экзистенциального опыта автора, не претендующего при этом на общечеловеческую, одинаковую для всех, истину.

«Дневник лечения в Эмсе» – уникальный текст, в котором Достоевский подробно фиксирует свое физическое и эмоциональное состояние до, во время и по-

сле припадков. Уникальность этого текста заключается еще и в том, что он не попадал в орбиту пристального исследовательского интереса и не рассматривался как текст сознания, предметом рефлексии которого становится собственная болезнь. Критическое отношение к болезни, своему характеру проявляется в том, что Достоевский фиксирует не только факты физического самочувствия, но и собственные эмоциональные реакции. Болезнь максимально усиливает переживание «пограничной ситуации» (1874 г.), актуализирует двойственность характера писателя, которую он сам в эти моменты предельно остро осознает. В связи с этим перед исследователем возникает задача осмыслить значение болезни в общей сумме экзистенциального опыта личности, в духовном опыте человека. Болезнь рассматривается писателем как источник положительного духовного опыта, поскольку сам факт рефлексии является знаком успешности преодоления личностью «пограничной ситуации».

В записных книжках и рабочих тетрадях писателя 1860 – 1880 гг. зафиксировано около восьмидесяти приступов болезни. Даты еще примерно двадцати припадков можно установить по другим источникам (в частности, по воспоминаниям А. Г. Достоевской). Но и в этом случае картина будет не полной. Если принять во внимание свидетельство Н. Страхова, который утверждал, что обыкновенно припадки у Достоевского случались один раз в месяц, иногда – по два припадка в неделю, то окажется, что общее количество припадков исчисляется несколькими сотнями. При этом важен сам факт тяжелейших потрясений, которым подвергались физическое, эмоциональное и душевное состояния писателя, необходимость в реабилитации, которая занимала в среднем от трех до пяти дней: «Удрученное и подавленное настроение, которое всегда наступало после припадка, продолжалось более недели. "Как будто я потерял самое дорогое для меня существо в мире, точно я схоронил кого, – таково мое настроение", – так всегда определял Федор Михайлович свое послеприпадочное состояние» [4, с. 133].

Необходимость детальной рефлексии как своеобразной терапии, позволяющей преодолеть разрушительные импульсы болезни и выстроить собственную программу художественного творчества как смыслового и ценностного противовеса небытию, формирует в текстах писателя специфический для Достоевского стиль торможения, который реализует основную задачу – детально, с разных сторон обрисовать ситуацию, дать ее целостную картину и тем самым достучаться до сознания собеседника.

Таким образом, анализ системообразующих начал экзистенциального сознания показывает, что болезнь, как одна из доминантных психогенетических особенностей личности Достоевского, играет ведущую роль в генезисе экзистенциального сознания писателя как динамичной философско-художественной системы. Перманентное нахождение по причине болезни в «пограничных ситуациях», угрожавших ему нравственной и физической смертью, определило основную мировоззренческую и творческую задачу Достоевского – самоопределиться идеологически, философски, устоять духовно, нравственно. Эта стратегия экзи-

стенциального самосозидания, самовыстаивания реализуется как в «эго-текстах» Достоевского, так и в его романном творчестве.

Литература

1. Белый, А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой / А. Белый. – М.: Мусагет, 1911. – 46 с.
2. Гинзбург, Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1971. – 463 с.
3. Гадамер, Г.-Г. Философские основания XX века / Г.-Г. Гадамер // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: [пер. с нем.]. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
4. Достоевская, А. Г. Воспоминания / А. Г. Достоевская. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
5. Закс, Л. А. Художественное сознание / Л. А. Закс. – Свердловск, 1990. – 212 с.
6. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом, языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
7. Накамура, К. Восприятие природы в «Преступлении и наказании» / К. Накамура // Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 332 с.
8. Николаенко, Н. Н. Семиотика пространства и функциональная асимметрия мозга / Н. Н. Николаенко, В. Л. Деглин // Ученые записки Тартусского университета. Труды по знаковым системам. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. – Тарту, 1984. – Вып. 641.
9. Письма Ф. М. Достоевского к барону А. Е. Врангелю // Две любви Ф. М. Достоевского. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
10. Ранкур-Лаферьер, Д. Русская литература и психоанализ: четыре способа взаимосвязи / Д. Ранкур-Лаферьер // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. – М.: Ладомир, 2004.
11. Суворин, А. С. О покойном / А. С. Суворин // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2.
12. Эко, У. Заметки на полях «Имени Розы» / У. Эко // Эко У. Имя Розы: роман / заметки на полях «Имени Розы» [эссе; пер. с итал. Е. Костюкович; послеслов. Е. Костюкович, Ю. Лотмана]. – СПб.: Симпозиум, 1998.

Информация об авторе:

Кошечко Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской и зарубежной литературы XIX века филологического факультета ТГУ, доцент кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, Nastyk78@mail.ru.

Koshechko Anastasia Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, doctoral student at the Department of Russian and Foreign Literature of XIX century of the Philological Faculty of TSU, Associate Professor at the Literature Department of the Historical Philological Faculty of TSPU.